

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БОРЬБЕ С БЕДНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шаяхметова В. Р.

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия (614990, Пермь, ул. Сибирская, 24), e-mail: perm_venera@mail.ru

В статье представлены ключевые проблемы адаптации интеллигенции как особой социальной группы к условиям транзитной экономики в современной России. Автор исследовал социально-экономическое и статусное положение интеллигенции на основе анализа отдельных объективных данных, в том числе – индикаторы благосостояния, степень доступности социальных и материальных благ. Автор также рассматривает ряд субъективных показателей, среди которых – степень социального оптимизма отдельных групп интеллигенции, отношение к перспективности интеллектуальной деятельности в России. Рыночная экономика, ставшая главной целью основной стратегии развития, спровоцировала значительные очаги социального бедствия населения (материальное и социальное неравенство, безработица, недоступность базовых услуг и т.д.). В подобных условиях востребованы срочные меры, в том числе – достижение качества жизни населения, соответствующего социальным стандартам развитых государств. Исходя из этого, автор обращает внимание на недостаточность знаний о конкретных проблемах адаптации российской интеллигенции и возможных способах их решения в России. Значительная часть интеллигенции способна к активному участию в процессе создания оптимальной модели социального государства, к поиску разумного сочетания основ рыночной экономики и отдельных элементов социального государства.

Ключевые слова: интеллигенция, историческая роль, социальное государство, бедность, социальная политика, социальная справедливость.

THE HISTORICAL ROLE OF THE INTELLECTUALS IN FIGHT AGAINST POVERTY IN MODERN RUSSIA

Shayakhmetova V. R.

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia (614990, Perm, street Sibirskaya, 24), e-mail: perm_venera@mail.ru

Key problems of adaptation of the intellectuals are presented in article as special social group to conditions of transitional economy in modern Russia. The author investigated the social and economic and status provision of the intellectuals on the basis of the analysis of separate objective data, including – welfare indicators, degree of availability of social and material benefits. The author also considers a number of subjective indicators, among which - degree of social optimism of separate groups of the intellectuals, the relation to prospects of intellectual activity in Russia. The market economy which has become a main goal of the main strategy of development, provoked the considerable centers of social disaster of the population (a material and social inequality, unemployment, inaccessibility of basic services, etc.). In similar conditions urgent measures, including – achievement of quality of life of the population conforming to social standards of the developed states are demanded. Proceeding from it the author pays attention to insufficiency of knowledge of specific problems of adaptation of the Russian intellectuals and possible ways of their decision in Russia. The considerable part of the intellectuals is capable to active participation in process of creation of optimum model of the social state, to search of a reasonable combination of bases of market economy and separate elements of the social state.

Key words: intellectuals, historical role, welfare state, poverty, social policy, social justice.

Введение

Интеллигенция как особая социальная группа в философских и культурологических исследованиях рассматривается как носитель высокой нравственности и хранитель морали. Большинство авторов склонны видеть в ней потенциальных агентов идеологической сферы, «... претендующих на решающее право голоса во всех вопросах».

Не вдаваясь в полемику относительно смыслового содержания термина «интеллигенция», мы к интеллигенции отнесем активную, нравственно и граждански ориентированную часть российского общества. Считаем, что от ее интеллектуальных усилий и гражданской позиции должны зависеть сохранение не только российской науки, культуры, особенностей мировоззрения и морали, но и социально-политическая стабильность в государстве.

В советский период истории интеллигенция демонстрировала разный спектр чувств по отношению к власти. За приверженность коммунистической идеологии как «единственно возможной» и «единственно верной», за исполнение четко заданной властью идеологической миссии, отдельные группы интеллигентов допускались в элитарную прослойку. Другие представители интеллигенции, не признавая идеологического принуждения, жестко вскрывали демагогическую суть риторики партии и правительства, опровергали догматы о «судьбоносных преобразованиях», «светлом будущем» и «социально справедливом обществе».

В конце 80-х гг. прошлого века в условиях нарастающего кризиса группы интеллигенции разрабатывали альтернативные варианты перспективного социально-экономического и политического развития. Так называемый «иждивенческий социализм» [4] в СССР, перегруженный льготами и привилегиями, предлагалось срочно реформировать, а для социально уязвимых групп населения оставить гарантированный минимальный, регулярно индексируемый уровень социальных благ и услуг. Советские экономисты, политологи и социологи считали, что общественные фонды потребления, системы социального страхования и обеспечения в СССР «безнадежно устарели», поэтому для выхода из социально-экономической стагнации необходимо обращение к «предпринимательской мотивации» [1], способной сформировать основы рыночной экономики. Другие, наоборот, были уверены, что СССР со сложившимися социально-экономическими и хозяйственными институтами не готов воспринимать элементы регулируемого рынка, поэтому в результате отказа от прежних социально-экономических механизмов «...страна встанет на путь имитации и получит неограниченное господство криминальной буржуазии» [6].

Смена политической, социально-экономической и культурной моделей в России в начале 90-х гг. прошлого века сопровождалась снижением рефлексивной способности и возможностей интеллигенции влиять на процессы реформирования и на власть, инициирующую данные реформы. Мы стали свидетелями серьезной деформации общественной оценки интеллектуального труда как социальной ценности. Современная молодежь, к сожалению, твердо уверена в том, что наличие образования и проявление

интеллектуальных усилий не сулят статусного положения в обществе. По желанию власть имущих главным назначением российской интеллигенции должна стать переориентация структур и механизмов творческого и образовательного процессов на законы рыночного существования.

В условиях транзитации экономики служивая советская интеллигенция постепенно вытеснялась из сфер политической и экономической власти владельцами частных капиталов, номенклатурной бюрократией вкупе с выходцами из «теневого сектора». В интересах новой элиты СМИ преподносили населению как бесспорные утверждения о преимуществах рыночной экономики, среди которых упоминались создание сильных стимулов для самореализации человека и возможностей более эффективного решения назревших социальных проблем. Взамен распределения по труду было предложено распределение по капиталу, и в качестве социально прогрессивной фигуры российскому обществу преподносилась фигура предпринимателя, признающего только законы денег и силы.

Пока в условиях нарастающего социального кризиса правительство рассуждало о характере и направлении либеральных реформ, общество убеждалось в имитационном характере социальных обязательств государства и социальной безнадежности подобных действий. Часть российских интеллигентов трансформировалась в политическую или бизнес элиту, а оставшееся большинство – в малоимущие и бедные группы населения. Последние в большинстве своем сопротивляются новой социальной реальности, пытаются по-прежнему выполнять миссию просвещения населения. Они, чувствуя себя социально ущемленными, истощают себя борьбой за выживание, с трудом адаптируясь к новым требованиям времени. Снижение реальной оплаты труда без каких-либо перспектив на изменение ситуации провоцировало многих работников на уход в частные, коммерческие сферы деятельности, без социальных и правовых гарантий.

Заимствуя у стран «всеобщего благосостояния» элементы либеральной модели социальной политики, российские реформаторы не фиксируют, что этих странах присутствует прямая зависимость между уровнем образования и доходом работника, и образование вкупе с наличием места работы являются надежной гарантией от малообеспеченности. Уровень оплаты научных работников в России почти в 15 раз ниже, чем в США. В России, по данным опроса Левада-Центра, только 9 % жителей отнесли профессию ученого к престижной, в то время как в США 51 % респондентов оценили ее «в высшей степени престижной»[12]. Данная оценка не случайна, поскольку в США уровень образования определяет доход работника, так у работника с начальным уровнем образования в течение жизни доход составляет 756 тыс. долларов, у работника с высшим образованием – 1720 тыс. долларов [8].

Ситуация социально-экономического кризиса в современной России диктует острейшую необходимость решительных мер в социальной сфере и, в обязательном порядке, мер по сокращению бедности, по обеспечению доступности услуг здравоохранения и образования, минимизации имущественной и социально-правовой дифференциации населения. Общество нуждается в новых основополагающих принципах социальной защиты, т.к. имеющаяся в России система не способна предоставить реальной поддержки всем социально нуждающимся. Все изменения, проводимые властью в социальной сфере (в т. ч. – перевод льгот и прав в монетарную форму, намерение повысить пенсионный возраст через завуалированные схемы пенсионной реформы, запоздалые и незначительные индексации денежных доходов населения), большинство россиян воспринимает как социально негодные и несправедливые реформы.

В России продолжается процесс создания комплекса адаптивных мероприятий, позволяющих гражданам приспособиться к условиям выживания. Так, уровень минимального размера оплаты труда по-прежнему ниже прожиточного минимума, который, в свою очередь, рассчитывается по социально заниженным ущербным меркам. Эти социальные индикаторы фактически направлены на консервацию бедности работающего населения и, в основном, так называемых бюджетников (работников здравоохранения, образования, науки и культуры). Несмотря на постоянные заверения власти о ежегодном росте среднестатистической заработной платы интеллектуалов варьируются в условных пределах – выше минимального размера оплаты труда и ниже прожиточного минимума, и уровень реальной заработной платы при постоянном росте цен и тарифов фактически снижается.

Известно, что по рекомендации Международной Организации труда государство обязано побуждать работодателей к использованию практических методов полноценного развития человеческих ресурсов. Для успешного функционирования компании, фирмы, отрасли или национальной экономики в целом необходимо обеспечить финансовые вложения во все составляющие человеческого капитала (в первую очередь, в образование и здравоохранение). Власть в России признает, что «интеллектуальный потенциал общества задействован в решении ключевых задач развития страны недостаточно эффективно» [12] и настаивает на необходимости «вложений в интеллект» для последующего создания «инновационной экономики». Предпринимаются некоторые организационно-управленческие усилия, направленные на рост материального благосостояния работников интеллектуального труда. Но величина затрат в расчете на одного занятого исследованиями и разработками в России по-прежнему низка: она в 8 раз меньше, чем в Южной Корее, и в 12 раз меньше, чем

в Германии [12]. Уровень оплаты научных работников в России почти в 15 раз ниже, чем в США [7].

Ежегодно в высших эшелонах власти обсуждается вопрос низкой оценки труда учительско-преподавательского состава, подчеркивается недопустимость подобной ситуации. В декабре 2010 г. премьер-министр В. В. Путин утверждал, что «уровень доходов учителей пока низкий. В среднем, по оценкам, процентов на 25–30 уровень заработной платы ниже, чем по экономике» [10]. В ходе предвыборной кампании 2012 г. в программной статье «Россия сосредотачивается» кандидат в президенты РФ В. В. Путин вновь неоднократно подчеркнул, что «повышение уровня доходов бюджетников – задача государственной важности» [11]. Но при этом усилия власти фактически не меняют ситуацию в стране, знание в России не востребовано, и значительная часть интеллигенции вместе с материальным достатком потеряла статусное положение в обществе и долю участия в политической жизни страны.

Российскую интеллигенцию можно рассматривать в нескольких перспективных ролях: в роли добросовестного оппонента власти и ее реформистских действий, в роли возможного союзника власти, либо в роли реальной альтернативы имеющейся власти. Власть может рассчитывать на признание интеллигенцией своих реформ только в случае отказа от сегодняшней политико-экономической модели развития и перехода на широкое внедрение инновационных технологий социального управления, стимулирующих развитие человеческих ресурсов на всех уровнях. Интеллигенция может стать главным «локомотивом» инновационных процессов, она способна позитивно повлиять на ход социально справедливых реформ. Так Фридрих Хайек в своей работе «Судьбы либерализма в XX веке» подчеркивал потенциал интеллектуалов: «... для развития либеральных идей в обществе необходимо организовать движение интеллектуалов, способных выработать доктрину, которая привлечет на свою сторону людей, формирующих по роду своих занятий и положению в обществе общественное мнение» [13]. Действительно, имеющийся интеллектуальный потенциал России может стать базовым ресурсом развития и преобразования общества. Практика убеждает в том, что динамика общественной жизни, эффективность реформ непосредственно связаны с интеллектуальным управлением социально-экономическими процессами.

Но российская правящая элита, как и более ста лет назад, показывает «поразительную неспособность, нравственную дряблость и духовную непроизводительность» [2]. Реальные цели социальной политики правительство не озвучивает, поскольку они явно противоречат ожиданиям населения и интеллектуальной части российского общества. Растущая материальная бедность как социальное явление должна заставить российское общество

искать и разрабатывать новые формы и методы борьбы с ней. Бедность оказывает негативное воздействие на социально-экономические и демографические процессы, мы стали свидетелями низкой производительности и мотивации труда, снижения качественных показателей здоровья всех групп населения, ухудшения образования и здравоохранения, рост асоциальных настроений и девиантного поведения. Резкое снижение финансирования социальных обязательств и реструктуризация социальных расходов дают возможность государству «уйти» из социальной сферы, переложив бремя нерешенных социальных проблем на плечи самих граждан. Социальное государство в России, несмотря на конституционное закрепление, так и не создано. В иносказательном смысле можно утверждать, что наше государство является социальным по отношению к отдельным состоятельным гражданам, готовым жить в системе коммерциализации социальных благ.

Выход из сложившейся ситуации видится в смене славословия и пропаганды идей социального государства конкретными, реальными действиями по формированию основ этого государства. Самым эффективным способом размещения ресурсов должны стать инвестиции в интеллектуальный (человеческий) капитал. Уникальные навыки и способности, умение адаптироваться к постоянно меняющимся условиям деятельности и жить в условиях неопределенности могут стать ведущим производственным ресурсом, фактором материального достатка и общественного статуса личности и важным условием конкурентоспособности российской экономики.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. К цели через кризис. Спустя год. – М.: Луч, 1992. – С.71-72.
2. Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? // День. – 1865. – №52.
3. Ведута Е. Н. О социальных последствиях концепции бюджетного послания Президента РФ на 1993 год // Обозреватель. – 1993. – №10.
4. Известия. – 1989. – № 266. – 13 сентября.
5. Комсомольская правда. – 1990. – 30 окт.
6. Кургинян С. Е., Аутеншлюс Б. Р., Гончаров П. С., Громько Ю. В., Сундиев И. Ю., Овчинский В. С. Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. – М.: Политиздат, 1990. – С.38-39.
7. Кречетников А. Российские ученые предупреждают о стагнации в науке [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/10/111013_russia_science_funding.shtml (дата обращения: 01.03.2013).

8. Мотин В. В. Развитие человеческого потенциала как инновационная составляющая повышения квалификации кадров // Инновации в образовании. – 2007. – № 9. – С.56-67.
9. Проблемы развития социальной сферы в СССР. — М.: ИНИОН РАН, 1990. — 30 с.
10. Путин В.В. Зарплаты учителей в РФ ниже средних по экономике на 25–30 % [Электронный ресурс]. – URL: <http://zavuch.info/component/content/article/35-2009-03-16-01-40-14/1717-876543567> (дата обращения: 23.03.2013).
11. Путин В. В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/511884> (дата обращения: 20.03.2013).
12. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года: утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mon.gov.ru/work/nti/dok/> (дата обращения: 05.11.2012).
13. Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Т. Даниловой и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. – 337 с.

Рецензенты:

Суслов М. Г., д-р истор. наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь.

Шестова Т. Ю., д-р истор. наук, профессор, НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.